

Жеребцова Елизавета Викторовна

студентка

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

г. Владимир, Владимирская область

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ОМЕРТВЕНИЯ В РАССКАЗЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «МОЛЧАНИЕ»

Аннотация: в статье исследуется проблема духовного омертвления человека в рассказе Леонида Андреева «Молчание», которая раскрывается с помощью стилистического приема гротеска, оппозиции «живое» и «мертвое», а также с помощью таких образов, как глаза, кукла, марионетка. Также для раскрытия проблемы важную роль играют пейзаж и интерьер. Они отражают бездушность реального мира и являются основными проводниками сквозного абстрактного образа в рассказе – молчания.

Ключевые слова: Леонид Андреев, образ глаз, образ куклы, гротеск, живое – мертвое, молчание.

Л. Андреев в своем рассказе «Молчание» (1900) поднимает проблему духовного омертвления человека, которая в эпоху Серебряного века становится актуальной в произведениях таких писателей, как В. Брюсов, А. Блок, А. Белый и др., и раскрывает ее с помощью таких стилистических приемов, как ирония и гротеск, образы – символы: глаза, кукла, марионетка, а также оппозиции живое-мертвое. Важную роль в раскрытии темы играют пейзаж и портрет.

Проблема духовного омертвления человека изображается в рассказе на основе контраста живое – мертвое. Автор использует прием описания живого, как неживого, а неживое, как живое. Даже абстрактные понятия у Андреева оживают и воздействуют на человека. Андреев считает, что люди в современном обществе утратили духовность, забыли о сострадании и милосердии. Именно таким видится отцу Игнатию Петербург: «ему представилось что-то большое, гранитное, страшное, полное неведомых опасностей и чуждых, равнодушных

людей. И там, одинокая, слабая, была его Вера, и там погубили ее» [Андреев: 1990–1996, 1, 196]). Не сочувствуют главному герою, и прихожане после смерти его дочери хотят, чтобы он страдал. Сам отец Игнатий кажется бездушным, так как он ведёт себя не как священник: не прощает грешников и берет лишние деньги с прихожан.

Механистичность священника выражается в его манерах поведения. Даже на похоронах Веры отец Игнатий выпрямлял спину и всем видом показывал, что он не страдает от потери дочери. Он думал не об утрате, а о том, чтобы не уронить себя. Даже в момент, когда отец Игнатий вроде бы принимает свою вину за смерть Веры, стоя у ее могилы на кладбище, он все равно гордо выпрямляет спину и с намеренной медлительностью отряхивает колени, надевает шляпу и уходит. Единственное, что выдает его душевное волнение – поседевшая борода (в начале рассказа она была густая и черная).

В первых двух главах рассказа отец Игнатий предстает в образе бездушно-го человека. Он злится на свою дочь за ее самоубийство и перекладывает ответственность с себя на Веру, объясняя ее поступок тем, что она просто не любила своих родителей. Он не показывает свое горе на людях, потому что ему стыдно. В нем нет раскаяния. Но в третьей главе начинается духовное преображение священника. Его угнетает молчание в доме, он все больше размышляет о причинах поступка его дочери. Раскаяние приходит к нему после посещения могилы Веры. Андреев расширяет прием одушевления до абстрактных понятий:

Сквозной образ рассказа, отражающий бездуховность общества – молчание – образ, который приобретает гротескный характер («арка кладбищенских ворот, похожая на черный, вечно открытый рот, окаймленный блестящими зубами» [Андреев: 1990–1996, 1, 205]). Молчание преследует героя с самого начала рассказа. Но оглушительным оно становится только после смерти Веры. Когда-то любившая шутить Ольга Степановна отвечает герою молчащими глазами. Молчание душит его, преследует его, звенит.

Дом отражает сущность его обитателей, поэтому Мертвенность выражается в интерьере. Описание комнаты Веры похоже на изображение тлеющего

трупа. Воздух в комнате был сухой и жаркий, «...с легким запахом гари...» [Андреев: 1990–1996, 1, 200]). Все предметы, даже стены и мебель издавали непрерывный запах тления. Кровать в лунном свете кажется призрачной.

Кроме этого, комната не выглядит так, будто в ней не так давно кто-то жил: пол тщательно вымыт, кровать заправлена. От жизни человека в помещении остаются хоть какие-то следы, но здесь все вычищено. Также мертвенность подчеркивается приемом контраста: пока отец Игнатий лежит в мертвой комнате на кровати дочери, за окном слышится хоровое пение. Жизнь течет где-то там, а ее отголоски доносятся до священника как будто из-за завесы.

Ольга Степановна до смерти дочери любила шутить и говорить, но, когда ее парализовало, глаза перестали выражать хоть что-то. Женщина превратилась в живой труп: «...тучное, бессильное тело, вдавившееся в перину» [Андреев: 1990–1996, 1, 203]). Таким описанием автор подчеркивает тяжесть атмосферы, царящей в доме после смерти Веры.

Еще один яркий образ смерти в рассказе – кресла в гостиной. Они обтянуты в белые чехлы, из-за чего похожи на мертвецов в саванах («...одетые белыми чехлами высокие кресла стояли точно мертвецы в саванах» [Андреев: 1990–1996, 1, 202]). Также в гостиной висит пустая птичья клетка, в которой до смерти Вари жила канарейка. Эта птица ассоциируется с душой Веры, и когда девушка умерла, птица улетела, оставив после себя молчание: «Клетка молчала тихо и нежно, и чувствовались в этом молчании печаль, и слезы, и далекий, умерший смех» [Андреев: 1990–1996, 1, 205]). Отец Игнатий постоянно пытался услышать ответ от Веры, он старался ухватить хоть какой-то звук, но он постоянно ускользал.

Верини глаза на портрете, напротив, выглядят более живыми, чем при жизни. Куда бы отец Игнатий ни ставил портрет, глаза всегда следили за ним. Обрамленные длинными черными ресницами «...белки казались особенно яркими...» [Андреев: 1990–1996, 1, 201]).

В этом мертвом мире предметы, наоборот, начинают оживать, выражая отчаяние: «всхлипнув, лестница гнулась и стонала», «ноты дочери, в которых за-

печатлелся ее голос», «на колокольне, перезванивали колокола» [Андреев: 1990–1996, 1, 205]).

Андреев использует оппозицию живое-мертвое, чтобы показать мертвенность, гротескность и трагедию происходящего. То, что было живым – умирает, а что было мертвым – оживает. Умирает Вера, Ольга Степановна превращается в куклу, а предметы быта оживают. Даже молчание начинает говорить с отцом Игнатием.

Кладбище в рассказе занимает особое место – это символ смерти. Пейзаж кладбища кричит о заброшенности и мертвенности: петляющие тропинки, покосившиеся решетки, забытые и покинутые могилы, позеленевшие памятники. Могила Веры покрыта пожелтевшим дерном, хотя вокруг все зеленело. Рядом растут рябина, клен и орешник: «Рябина обнялась с кленом, а широко раскинувшийся куст орешника протягивал над могилой свои гибкие ветви с пушистыми, шершавыми листьями» [Андреев: 1990–1996, 1, 205]). Эти деревья имеют символическое значение. Рябина в разных культурах символизирует защиту, на Руси ее сажали рядом с домом, чтобы уберечься от пожара. Клен в мифологии славян был вместилищем души умершего. Орешник представляет собой проводника душ. Таким образом, могила Веры одновременно выглядит живой и неживой так же, как и сам образ девушки [Словарь библейских образов].

На кладбище он снова спрашивает свою дочь, зачем она покончила с собой, и прикладывает ухо к могиле. Ему начинает казаться, что что-то холодное, леденящее мозг, влезает в его голову? и он решает уйти, но теряется. И тут наступает момент безумия, гонимый удушающим молчанием. Тотальное молчание подчеркивается гротескным образом кладбищенских ворот, похожих на рот. Рот ассоциируется у нас со звуками, но здесь он также безмолвен, как и все остальные образы, что лишний раз подчеркивает молчашую атмосферу.

Пейзаж в рассказе играет важную роль. Он подчеркивает бездушность мира реального и процесс механизации общества. Из окна дома отца Игнатия видны площадь, на которой нет людей, и похожий на глиняную фигуру извозчик, который непонятно зачем стоит, ведь на улице часами не было видно ни одного

прохожего. Образ ночи всплывает на протяжении всего рассказа. В ночь, когда отец Игнатий с женой пошли говорить с Верой, пели соловьи. Когда священник пошел в комнату дочери, ночь была тихая и беззвучная. Даже дни в рассказе веют смертью: залитая солнцем безлюдная площадь, на кладбище тоже безлюдно и тихо.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.Н. Андреев. – М.: Художественная литература, 1990–1996.
2. Королева В.В. Гофмановская традиция в создании оппозиции «живое» – «неживое» в ранних рассказах Л. Андреева / В.В. Королева // Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXIII международной научной конференции. – СПб., 2018. – С. 201–210.
3. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб.: Библия для всех, 2005, ГУП Тип. Наука. – 1423 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/127>